

Четверо мальчиков продолжали мысленно тренироваться. Они старались. Вот что значит послушание. (Не слушаться и меня?!) Хотя иной раз они всё же отвлекались. На всякие мелочи или внешний шум. За что приходилось устраивать нагоняй: от едкого словца до грубого пинка. Больше всех доставалось Адаму, причём независимо от того заслуженно это или нет. Правда, своё редкое желание взять в руки Волхв и использовать его не по назначению я успешно подавлял и до крайностей не доходил. (Как минимум здесь была куча преподавателей...)

В общем, приходилось ходить туда-сюда: от мягкого и приятного, как гусиный пух, кресла к грубым и неотёсанным, как их собственные камни, мальчикам. (И наоборот.) Пинать их магией на расстоянии я воздержался, хотя стоит признать — это упростило бы весь процесс «обучения» и избавило бы меня от излишних телодвижений.

Итак, понаблюдав какое-то время со стороны и проконтролировав выполнение поставленной задачи, я уже начал планировать переход на следующий этап их тренировки — пришло время для первых попыток синтезировать каменную фигуру нашего объекта — Шарлотты Валенштайн. К слову о ней: женщина всё сильнее и сильнее интересовалась происходящим. Что-что, а заметить мальчиков, бросающих на неё свои (похотливые?) взгляды, ей было нетрудно. Так что в этом смысле, горе-четвёрка уже давно провалила свою «миссию».

Однако прежде чем я успел встать и дать новые указания, меня занял другой человек. Это был один приевшийся преподаватель, пришедший сюда минутами ранее:

— ...Неужели чудеса случаются? — поинтересовался он.

— Чудеса? Это максимально субъективное понятие. Например, с моей точки зрения было бы куда чудеснее не подходи вы ко мне.

— Умничаешь? Я уже привык, — парировал куратор и сел рядом. — Более того, твоя прямолинейность начинает мне нравиться. Всем бы быть такими как ты.

— Нравится? Больше похоже на то, что вы становитесь мазохистом, хотя... судя по всему вы всегда им и были, раз не отстали после нашего первого и всех последующих разговоров.

Мой собеседник издал смешок, а затем сказал:

— Это вряд ли. И почему ты такой ворчливый?

— Всё вполне логично. Всё зависит от человека: вы подходите — я ворчливый, вы не подходите — я неворчливый.

— О как. Может мне начать записывать твои высказывания?

— Если вам нечем заняться... Хотя... учитывая, что вы так надо мной «трясётесь» — вам и правду нечем заняться.

— Вот так и проявляй заботу... — вздохнул и иронично заметил куратор.

— Заботу? Думаете, я трудный подросток и, выказав заботу, до меня можно будет достучаться? Похвально. Но это так не работает: я вполне нормальный. Или вы считаете, что я ненормальный?

— Я... — запнулся куратор. Чуть погодя продолжил. — Вопрос с подвохом. Конечно я не считаю тебя ненормальным.

— Правда? А зря, ха-ха.

Тот промолчал, хотя где-то внутри нахмурился. Я продолжил:

— Знаете, если честно, я занят, может, на этом закончим? Уверен, у вас есть и другие дела, может ими и займётесь?

— Вообще-то, — начал тот, — это не так. И было бы странно не подойти я к тебе, пусть ты и не считаешь это чем-то приятным. Всё-таки я здесь исключительно из-за тебя.

— Сплетни разносятся так быстро? И почему я не удивлён.

— Это не сплетни. Но да, мне сообщили. И говоря откровенно, я не хотел идти, но дабы потом не сожалеть, я предпочёл прийти и принять на себя твоё недовольство.

— Хах, из этого можно сделать вывод, что вы пришли выбесить меня? Похвально. Как бы сказал вон тот мальчик, — я указал в сторону Тоши, — у вас с самого начала была тактика, и вы её придерживаетесь.

— Ты снова всё перекрутил, я здесь не для этого.

— Не для этого? Значит, беспокоитесь, что я могу кому-то причинить вред?

— Не совсем, но за тобой нужен глаз да глаз.

— И где вы были, когда я учился в старой школе? Возможно, она бы сейчас стояла целёхонькая-прицелёхонькая, ха-ха...

— Если честно, не вижу связи.

— Разве вы не знаете? За мной как взяли, да как не досмотрели, да как не доглядели, так я как взялся, да как разошёлся, — да и разрушил её!

— Это не смешно! Хотя признаю, иронизируешь ты отменно.

— Ирония — моё второе имя, а теперь уж извините, но мне нужно идти — нечего нам с вами пустословить.

— К тем ребятам? — куратор указал в сторону тренирующейся четвёрки.

— Нее, — протянул я, направившись к мальчикам, — подальше от вас.

— ...

◇◇◇

(От 3 лица)

— Можно?

К довольно мрачному куратору старших курсов подошёл другой преподаватель.

— Да, садись. Что-то нужно?

— Нет, ничего, — любезно ответила Шарлотта Валенштайн, но быстро передумала. — Нужно. Чем они занимаются?

— Те ребята? Тренируются.

— Вот давай не придуривайся, Тейс. Они ничего не делают, ещё и на меня вечно смотрят. Что твоё «чадо» удумало? Это после его прихода они начали этим страдать.

— А тебе смотрю интересно?

— Конечно!

— Просто потерпи и узнаешь.

— Это не ответ. Ты и сам не знаешь, угадала?

— Я и не говорил, что знаю.

— Ха, а кто говорил, что хороший преподаватель должен всё знать о своих студентах?

— Мне сказать или сама пойдёшь?

— Что-то ты какой-то невесёлый, Тейс... Я бы даже сказала злой. Не справляешься, да?

— Справляюсь.

— Почему тогда твои студенты убегают от тебя, да подальше?

— Подслушиваешь?

— Нельзя?

— Нельзя.

— «Он» первый начал — привлёк моё внимание, так что ко мне никаких претензий.

— Говоришь как один из этих непослушных студентов.

— Как говорится, с кем поведёшься...

— Глядя на тебя, на ум приходит только бесчувственный кусок скалы.

— Вот не надо, это, между прочим, звучит обидно. Ты же не вздумал отыграться и выпустить свою злость на мне? Я, между прочим, не подушка для битья. Если не справляешься, то меня уж точно незачем винить. И срываться на мне, между прочим, тоже не нужно.

— Я и не собирался.

— Что-то незаметно.

«Я и не сомневался...»

— Всё хорошо, — сказал Тейс Арст. — Или я уже не имею права просто погрузить?

— Имеешь. Все имеют право, — быстро согласилась Шарлотта Валенштайн, а затем невзначай добавила: — О, а ты знаешь, что несколько команд готовятся с ним сражаться?

— Лучше бы не знал.

Та «облизнулась» и продолжила:

— Говорят, там такое будет... Некоторые преподаватели прям возбудились.

— Ты специально меня бесишь?

— Нет, ни в коем случае! Я бы не стала таким заниматься ни за какие деньги!

— А за бесплатно только так?

— Я же говорила, незачем на мне срываться, — упрекнула она.

Тейс Арст глубоко вздохнул...

◇◇◇

(От 1 лица)

...

— Значит, уже можно?! — воодушевлённо поинтересовался Кристоф.

— Да. Пришло время первых попыток.

— То есть сразу не получится? — быстро сориентировался Адам и даже сузил глаза.

— А кто сказал, что получится или не получится? — парировал я. (Не на того нарвался, маленький засранец.) Затем добавил: — Не узнаем, пока не проверим...

— Но ты...

— ...Независимо от того, будут ли ваши первые попытки удачными или провальными, это не отменяет того факта, что повторять это упражнение вы будете не один раз.

— Если так, то... не поспоришь... — пятилетний Звер склонил голову, приняв поражение.

Но «злому тирану» этого было мало:

— Радостнее, Адам.

— И не поспоришь~ — грустно пролепетал тот.

— Так-то лучше, — самодовольно кивнул я.

Глава 184. Хорошее настроение (часть 3)

Шуххх...

Чистый насыщенный поток, берущий начало в магических узлах и растекающийся по всему телу, как озёра и реки по материку, просочился со всей поверхности ладони — со всей кисти, обхватывающей слэм-девайс...

Шуххх...

...Вошёл в это устройство. Стал расслаиваться на сотни и тысячи струй, проникая в мелкие поры — сортируясь, перераспределяясь...

Шуххх...

...Объединяясь, комбинируясь и в конце концов выходя наружу.

Шуххх...

Рука — слэм-девайс — «камень».

Четверо мальчиков чуть ли не одновременно начали свой синтез — в воздухе стали появляться первые каменные части, быстро наращивающие новые слои, превращаясь в нечто оформленное. Происходило всё очень быстро, отчего создавалось ощущение резко материализующегося в пространстве объекта, будто приведение из сказок приняло свою телесную форму.

Дабы разглядеть все тонкости синтеза (в том числе и такого наращивания «слой за слоем»), обычного зрения зачастую не хватало, если конечно, ты «нормальный» волшебник. В таком случае самый простой и универсальный способ обойти это ограничение — использовать сенсорное поле кварков: просто и удобно. Правда, требует длительных и нелёгких тренировок...

Если же ты мальчик по имени Адам, да ещё и с врождённой плюшкой в виде «острого» зрения, — то ты, несомненно, «читер», требующий адского уровня сложности, чтобы жизнь не казалась тебе жизнью беззаботной кошечки. И кто, кто, а хороший «модератор» несомненно сделает всё и организует тебе тот самый ад.

Каждый из мальчиков начал свой синтез фигуры с разной части тела модельного объекта. У Адама это был синтез «снизу-вверх»: сначала ступни, потом голень, дальше — бёдра и так далее. В конце же, судя по всему, должна была быть голова.

«Возможно, Адам, тебе стоило начать с более сложных частей. Например, с лица и его контуров. Так, вероятно, было бы проще...»

Почему проще? Потому что где-то через доли секунды, когда Адам был уже на уровне талии, пришло время для справедливости! Я — как и подобает хорошему наставнику — решил помочь своему приёмышу и уже через мгновение незначительные потоки моей магической энергии окружили ту небольшую область, где на свет рождалось каменное изваяние Адама. Делал я всё максимально аккуратно, дабы, конечно же, никто не заметил этой маленькой «помощи». И когда дело касалось незначительного количества кварков — не превышающих фоновый уровень — реализовать это «втихаря» было нетрудно даже перед опытным волшебником, другое дело — толку от этого было немного. По крайней мере, в полноценном сражении.

В данном же случае, как и планировалось, никто ничего не заметил. Разве что один человек...

Глаза Адама сначала дёрнулись, затем удивились, потом — прищурились.

«ТЫ?!»

«Хе-хе, да, я! И что с того?»

Как и полагается — уровень сложности справедливо изменился с «очень просто» на «да ты шутишь!!», что стало заметно мгновением спустя. Ведь начиная с ног, возможно, прекрасная статуя Шарлотты Валенштайн стала превращаться в статую пусть и не менее прекрасного, но определённо брутального щупальце-образного «Ктулху», который вот-вот вмешается в твой разум и заставит сделать какое-нибудь непотребство.

— ТЫ! — уже вслух высказался Адам.

— Что? — удивился я. — Что-то не так, Адам? Хотя... Глядя на твой конечный результат... — к этому моменту остальные уже тоже закончили и выглядели слегка уставшими. — Думаю, что-то и в правду не так.

Я почесал затылок. Осмотрелся. Все участники клуба «любителей каменной магии» завершили свои потуги в создании идеального образа преподавателя... И знаете что я вам скажу? Это было великолепно!

◇◇◇

(От 3 лица)

...

— Ха-ха-ха...

— ТЫ ВИДЕЛ?!! ВИДЕЛ?!! НА ОДНОЙ ИЗ НИХ ТОЧНО МОЁ ЛИЦО, А ЭТО... ЭТО ЧТО, МОИ НОГИ?!!

— ...ха-ха-ха...

— ТЫ! ДА ХВАТИТ РЖАТЬ!

— ...я-ха-ха-я-я-ха-ха-не-ха-ха-ржу...

— ТЕЙС!

— ...

— ТЕЙС!!! ЭТО ВСЁ ТВОИХ РУК ДЕЛО?! ДА?!

Тот же лишь помотал головой в стороны, продолжая издавать смех.

Затем собравшись с мыслями, успокоившись, но всё равно на грани, он сказал:

— Кракен...

— ЧТО?!

— Кракен, говорю... ха-ха...

— ЧТО КРАКЕН?! ТЫ УВЕРЕН, ЧТО ХОЧЕШЬ ПРОДОЛЖИТЬ ГОВОРИТЬ?!

Но тот явно не слышал и продолжил через смех:

— Ага... ха-ха...

— НУ ТАК ДАВАЙ, СКАЖИ! А ПОТОМ Я УБЬЮ ТЕБЯ, А ПОТОМ ТВОЕГО НЕДОСТУДЕНТА!

— ...ха-ха... кракен... ха-ха... похожа...

— УВЕРЕН?!!

— ...аха... ха-ха... похожа, ха-ха...

— А теперь готовься к ХУДШЕМУ!! — негодовала Шарлотта Валенштайн, продолжая какое-то время что-то высказывать коллеге. Однако... эффекта это не возымело: он её не слушал. Видя это, взбешённая девушка наконец-то отвернулась.

Шарлотта Валенштайн сжала губки. Затем, оставив согнувшегося и уставившегося в пол Тейса Артса смеяться про себя (он старался не привлекать много внимания, хотя людям было явно не до него), она медленным незаметным шагом направилась в сторону о чём-то спорящей команды Тоши.

Девушка «надела» весёлую радостную искусственную улыбку, будто кто-то растянул губы козы до самых ушей. При этом её взор был направлен исключительно в одно место. В место, где стоял пятый участник и возможный виновник её испорченного настроения (и хорошего

настроения Тейса). Человек, лицо которого имело такое же неестественное «козлиное» выражение, как и её собственное.

◇◇◇

(От 1 лица)

...

— У нас не получилось и с нас все смеются! — бушевал Тоши.

Ему и в правду было неловко. А некоторые и в правду смеялись. Вообще, узнать схожесть синтезированных каменных структур с конкретным преподавателем было трудно, однако одна маленькая деталь выделялась из общего фона. Это были отчётливые черты лица на одном из изваяний.

Кристоф и Кори тоже слегка поникли, но молчали. Их лица выражали грусть, печаль и тоску. Адам в свою очередь пронизывал меня убийственным взглядом. (Учитывая его привязанность и доброжелательность, в это даже не верилось.) Видимо, его расстроил не столько факт неудачи, столько развязанная мною магия против него. (А мальчик он всё-таки впечатлительный.)

— И что с того? — любезно поинтересовался я, проглотив и убрав с лица любые намёки на смех. — Во-первых, это нормально. Во-вторых, несмотря на общую не идентичность с модельным объектом, у каждой из ваших фигур есть и что-то общее с ним. Например, у Кристофера за всем этим, кх, двухметровым слоем жира...

— Кх...

— ...раздутыми и сросшимися ногами и грубой, как лицо бульдога, физиономией, явно прослеживаются контуры рук нашей Шарлотты Валенштайн ...Хотя да, общий вид и в правду кошмар для впечатлительного ребёнка, но главное — руки. Для первого раза это очень хороший результат.

— ...

— А вот у Кори, — продолжил я, оценив его изваяние, — очень хорошо с лицом. Разбуди пьяного и покажи — он точно не найдёт отличий, разве что рот кривоватый и глаз перекошен, но в целом, с достаточным количеством крови, это считай что незначительная мелочь.

Маленькая царапинка на пятке... Микротрещинка где-то подмышкой... Точ...

— Мы поняли!!

— О, вот и славно. Как видите, проблемы совершенно нет...

— А что хорошо вышло у меня?

Я бросил оценивающий взгляд на Тоши, потом на его поделку.

— Мизинец на левой ноге неплох, без него был бы твой обычный булыжник. Но с ним — что самое важное — практически то, что нужно!

Тот стал внимательно рассматривать своё изваяние, а я же почувствовал на себе усиленный пронизывающий взгляд, которым даже Мишель никогда меня не одаривала — Адам был явно в ударе.

— Так... — протянул я, — что там у нас дальше... А, точно. Остался Адам. Мой дорогой Адам. У тебя вышла интересная фигура, — я оценивающе осмотрел её. — Это считай что, метафорическое видение своего преподавателя. В общем, неплохо, учитывая, сколько препятствий ты имел на своём пути.

— Что ещё расскажешь? — слышалось в ответ. Взгляд его был всё таким же прищуренным. Такой Адам начинал мне нравиться даже больше обычного. (Может, стоит чаще делать ему подлунки?)

— Что ещё? Это определённо интересная работа. Знаете, в сказках есть эти существа — как их? — с телом коня...

— Кентавры? — уточнил Кристоф.

— О, точно, спасибо. А это... Это что-то похожее. Ктулхутавр... Шар-Вал-Ктулху... В общем, вы поняли. Даже не знаю, что тебя заставило повернуть в этом направлении. Ты... Ты будто заглянул ей в душу... В самое сердце... Увидел всю суть её бытия...

— Чьего бытия?! Моего бытия?! — слышалось со стороны. Вопросы были явно риторическими.

— Здравствуйте... — слышалось три негромких приветствия, смутившихся мальчиков. Они быстро опустили головы. Адам её проигнорировал: он был полностью сконцентрирован на мне. Ох уж этот Адам.

Ничего не оставалось — я внимательно осмотрел подошедшую девушку. Переполняющая злость, скрытая агрессия и желание причинить кому-нибудь боль — прекрасный букет эмоций, спрятанный за сияющим лицом. Какой стиль общения выбрать?

— О, — вскоре начал я, собравшись с мыслями, — а я-то зря к мальчику придрался! Рот-то у вас и в правду кривоват! Да и глаз перекошен...

Глава 185. Игры с огнём (часть 1)

— Повтори.

— Рот кривоват. Глаз перекошен.

— Вот как... — услышались в ответ едкие слова Шарлотты Валенштайн. — Смотрю, ты чрезмерно умный как для обычного ученика. Наглый. Бесцеремонный. Мне кажется твой куратор совершенно не пытается перевоспитать тебя. Даже наоборот — только потакает твоему невежеству.

— Хотите занять его место?

— Это вряд ли. Хотя скрывать не буду: проучить и поставить тебя на место — охотно бы согласилась.

— Правда? Приятно. Звучит как комплимент.

— Комплимент? И близко не похоже, да и до него ещё нужно дорасти.

— Дорасти? Теперь есть к чему стремиться. Хоть какая-то цель в жизни, ибо до этого момента я, можно сказать, потерял всякий смысл...

— Как можно потерять то, чего никогда не было?

— Даже не знаю, — я пожал плечами.

— Ладно тебе, не скромничай: всё-то ты знаешь, — девушка лучезарно улыбнулась. — Но раз не хочешь открывать свой «секрет», то и не надо.

— Отвечу вашими же словами: как можно открыть то, чего никогда не было? — я засмеялся. — Знаете, интересные у вас претензии. Я бы даже сказал, претензии ради претензии. Но ладно. Будем считать — не имеет значения. Это всё? Или вас смущает что-то ещё?

— Смущает?

— Да, смущает, — повторил я. — Давайте помогу, раз у вас так туго с фантазией. Итак-итак... Что там может быть? Для начала: может, смущают плохо передающие ваши черты эти каменные поделки? — я указал в сторону парящих шедевров юношеского искусства. — Хотя... Не думаю, что вы столь мелочная и ограниченная девушка: дети только учатся и всё такое, — я издал смешок и продолжил. — Что там ещё? О, может быть, смущаю конкретно я? Понимаю, трудно пройти мимо меня... но помочь в таком случае ничем не могу: любовь, как говорится, зла... ха-ха. А может — что-то ещё? Но что бы это ни было — делать вид задетой девушки бессмысленно.

Шарлотта Валенштайн внимательно посмотрела на меня. Она всё также нечитаемо улыбалась — прикрывала истинные мысли искусственной маской. Наконец-то, она «мягко» сказала:

— Всё верно, дела до сказанного тобой мне нет. И не лень тебе так распинаться на всякие выдумки? Иногда самым ценным может оказаться обычное молчание, — её улыбка стала шире. — Хочешь знать, что меня смущает? Тогда для начала стоит уточнить — это не смущение, мальчик мой...

— Я не твой мальчик.

— ...это сильное угнетающее и выводящее из себя раздражение. Раздражение, вызванное НЕВЕЖЕСТВОМ. САМОДОВОЛЬНЫМ НИЧЕМ НЕ ПОДКРЕПЛЁННЫМ НЕВЕЖЕСТВОМ, выдаваемым за знания. ЛЖЕ-ЗНАНИЯ. Лже-философия...

Голос Шарлотты Валенштайн резко оборвался, а лёгкое презрение, скрывающееся до этого за весёлой улыбкой, стало наконец-то просачиваться наружу.

Оставив добродушное выражение на лице, пусть и не характерное для такой обстановки «накала страстей», я сказал, пожимая плечами:

— Справедливое замечание. И не поспоришь — и не оспоришь. Минуточку.

Я отвернулся от женщины и обратился к мальчикам:

— Итак... Тоши и Кристоф, теперь можете продолжить тренировать свою концентрацию используя эти прекрасные изваяния.

Те не среагировали, однако мой взгляд быстро вернул их в реальность и заставил осознать всю

«тяжесть» положения, в которое они попали. Двое кивнули.

— Адам же и Кори, можете повторить всё ещё раз с самого начала. И да, необязательно будет проще, особенно Адаму, хотя отрицать занятность твоего Шар-Вал-Ктулху я не буду... (Интересно, его можно продать?) В общем, учитывая первую попытку, теперь вы как минимум представляете, что от вас требуется.

— Хорошо... — нехотя кивнул Кори.

С одной стороны ему было неловко, а с другой — до него дошло, что саму девушку «его фантазий» не сильно волновала их тренировка (и что вместе им уже никогда не быть, хах). К тому же никто не отменял негласного правила о «послушании мне». Даже подошедшая Шарлотта Валенштайн ничего не сказала на этот счёт (прямо не сказала).

Адам же — человек, которому мои слова предназначались в первую очередь, — лишь недовольно отвернулся. Он был возмущён, слегка зол и недоволен. В общем, пятилетний Звер решил погрустить, хотя ему никто не давал команды этого делать. С другой стороны: ну как можно обижать, а потом сердиться на этого щеночка?!

Хорошо обдумав свои следующие слова (очень хорошо!), я добавил:

— Если хорошо постараетесь, то после занятий можем куда-нибудь пройтись, — Адам бросил на меня подозрительный взгляд, — например, можем что-нибудь попить, — его уши по-собачьи дёрнулись, — крепкий кофе неплохо восстановить силы, — его лицо стало веселее, — а с шоколадом — молочным шоколадом — сделает вас, можно сказать, сверхлюдьми...

— ...

— ...

— ...

Судя по выражению лиц Тоши, Кристофа и Кори, возмущаться на это счёт они не собирались.

— Однако... — я слегка ужесточил интонацию. — Во-первых, это по желанию, а, во-вторых, будете отлынивать или возбужать — вообще никуда не пойдёте.

Мой вопросительный взгляд они быстро оценили как «вызов» и уже секундой позже приступили к своей работе. Думаю, хорошее настроение Адама и его верность «куплены» лет на 50 вперёд...

Четвёрка чуть отошла и продолжила свою тренировку.

Я же повернулся к Шарлотте Валенштайн, всё ещё стоящей рядом и разрывающей меня на молекулы своим взглядом:

— Итак, о чём мы? Точно. Значит, говорите, невежество? Похвально.

Та мгновенно вышла из лёгкого ступора, взяла себя в руки, подправила надетую маску и сказала:

— Что ещё? Может, мне премию выпишешь?

— Если только Дарвина...

— Вот как! — глаза Шарлотты Валенштайн блеснули. — Не боишься, что рано или поздно кто-то вырвет твой язык под самый корень?

— Боюсь. По ночам даже просыпаюсь в холодном поту... а иногда и заснуть не могу.

— Будь уверен, если продолжишь в таком темпе, то рано или поздно...

— Спасибо, что волнуетесь обо мне. На первый взгляд и не скажешь, что вы такая заботливая. Из вас выйдет отличная мать.

— Вот как... Хочу тебя огорчить, но это не беспокойство.

— Вы узнали, что кто-то и в правду хочет так поступить и решили предупредить меня? Теперь буду глядеть в оба! Спасибо.

— Я бы... Сказала жалко, что этого ещё не произошло и твой язык на месте, но... Будем считать, что не говорила, потому что говорить такое преподавателю как-то...

— Неправильно?

— ...Именно, — та наигранно вздохнула.

— Грустно вам приходится...

Я опустил голову и вздохнул следом за ней.

Взгляд Шарлотты Валенштайн стал пронзительнее.

— Должна признать, — резко сказала она, после недолгого молчания; её улыбка стала ещё шире. — Подыгрываешь... Соглашаешься... Похвально! Похвально! Хотя — НЕТ: слишком предсказуемо. Слишком постно.

Я приподнял голову и вновь посмотрел на собеседника. Постно? Интересно, это попытка провокации или реальное убеждение?

Предсказуемо? Интересно, если всегда отвечать кому-то в конце: «Это предсказуемо», — или, как вариант: «Очевидно», — будешь ли выглядеть умнее и продуманнее? («Вода состоит из кислорода и водорода... — Да что ты? Это же так оче-е-е-ви-дно...»)

— Подыгрываю? — удивлённо сказал я. — Да нет, я вполне серьёзен...

— Ты не поверишь, но я тоже вполне серьёзна. Серьёзна, как никогда раньше.

— Ясно. Уж не знаю, что там у вас за комплексы и недопонимания с «невежественностью», но могу предположить — лишь предположить, — что иногда быть в чём-то чрезмерно уверенным может оказаться бесполезным. Как минимум потому, что в конце концов можно оказаться неправым и остаться в дураках...

— Ха-а, хочешь сказать, что невежественна здесь я?

— Разве я такое говорил?

— Мальчик мой~

— Я не твой мальчик.

— ...я тебя вижу насквозь: вкладывать какой-то «скрытый смысл» в свою белиберду — твой конёк. Хотя должна огорчить, если все эти скрытые подтексты кому-то и кажутся чем-то тонким и пафосным, то только тебе.

— Вы меня практически раскусили... Это так заметно?

— Твоё общение с другими преподавателями, учениками и людьми в целом — говорит само за себя.

— Вы подслушивали?

— Нельзя?

— Почему же, — мягко сказал я, — можно. Просто буду чаще упоминать вас в разговоре и делать комплименты. Слышал, людям нравится слушать, как о них говорят что-то приятное, даже если делают вид, что не нравится.

— Например: «Она и вправду довольно миленькая, ещё и волосы такие белоснежно-белые...»? — пронизывающе и высмеивающе сказала Шарлотта Валенштайн.

Её «атакующе-обвиняющий» стиль общения помогал скрыть ярость и злость и не потерять надетую маску. И стоило отдать должное, в целом и общем она более-менее справлялась.

— Ты прав, — заключила она, — таких как я и вправду нечасто встретишь

— Прекрасная память, — заметил я. — Или... Вам просто любо-дорого каждое моё слово? Приятно-приятно... Но всё же вам стоит быть аккуратнее, ведь если этот мальчик начнёт ревновать, — я указал в сторону пытающегося сконцентрироваться Кори (мальчики стояли поодаль, но разговор слышали), — то уже сегодня вечером меня могут найти мёртвым среди вон той груды камней.

— Правда?! — та посмотрела на смутившегося мальчика, а затем добавила, послав ему одобрительный жест. — Постарайся уж!

Кори промолчал.

Я тоже проигнорировал этот ход, пусть он и был хорош, и продолжил говорить дальше:

— Но и это ещё не всё. Раз я вам нравлюсь, то вынужден предупредить: у меня уже есть одна знакомая-MILF-а...

— Кх, — Шарлотта Валенштайн издала слабый кашель.

— ...и мне кажется, что она очень ревнивая... Иной раз даже создаётся ощущение, будто она всегда следит за мной, будто ходит по пятам и прожигает дыры на затылке своим взглядом... Хотя вроде как находится в другой стране.

— ...Кх. Вот как? Очень интересно. Красноречивый невежественный параноик, который любит издеваться над младшими и кадрить старых женщин... Это даже не характеристика, а практически диагноз... Находка для врача.

— Вряд ли. Вполне распространённая комбинация. Было бы чему быть находкой, — сказал я и замолчал.

— ...И это всё?

— И всё.

— И всё?.. Больше ничего не скажешь?

— Нет.

— Как жаль, как жаль... — наигранно поражалась та. — А мог бы пафосно заметить — как ты умеешь, — что я назвала себя старой женщиной... Вроде весь такой острый на язык, а чуть ближе — и ничего.

Серьёзно?

— Правило жизни, пусть будет №14 пункт 88: никогда не ведись на слова или словестные «проколы» людей вроде вас.

— Вот как?! Людей вроде меня?

— Да, вроде вас. Уверенных в своей неправоте и повторяющих её из раза в раз.

— Значит, всё-таки отказываешься признавать свою невежественность...

— Разве я, — добил я её, — такое говорил?

— Ох... — лицо Шарлоты Валенштайн слегка исказилось, но быстро пришло в обычный вид.

Девушке порядком надоело биться головой об стену — безрезультатно биться. И если поначалу ей казалось, что она лишь делает вид что бьётся и быстро проломит преграду, то после появившейся трещины и кровотечения во лбу, к ней пришло понимание реальности — понимание всей твёрдости стены и хрупкости головы.

Я пожал плечами:

— Дело не в том, кто из нас невежественен, а кто «вежественен», а в том, что вы несёте какую-то чушь и занимаетесь явной провокацией. Хотя... Будь на вас маска Бакэнэко я бы ещё мог закрыть на это глаза... но... — понизив голос, я резко замолчал.

Та с непонимающим выражением уставилась на меня.

— Бакэнэко?..

— Это маска кошечки.

— В смысле... КОШЕЧКИ? — глаза Шарлотты Валенштайн загорелись ярче обычного.

— В прямом. Кошечки-демона.

— И ты ещё говоришь, что я несу чушь?! — вспыхнула та, но быстро успокоилась (и, возможно, мысленно упрекнула себя за этот неконтролируемый порыв). — Кошечки... Демоны... — протянула она, взяв себя в руки. — Да уж, диагноз всё серьезнее и серьезнее...

— Он настолько серьезен, что вы даже не представляете, ха-ха...

— Не представляю? Да ладно...

— Знаете, создаётся ощущение, что... вам не очень хорошо. Даже капиллярчик в правом глазе лопнул. Вам не плохо?

— Плохо? Не-е-т, не плохо... Мне хорошо, очень даже хорошо~ — пропела девушка. — Но было бы ещё лучше, прикуси ты случайно язык, он у тебя чрезмерно длинный.

Учитывая смехок и тон, каким было сказано предложение, заподозрить Шарлотту Валенштайн в дискриминации бедного студента было трудно.

— Ха-ха, — я оценил юмор девушки, — думаю, это было бы больно. Да и знаете, я никогда его не прикусывал, тем более случайно. Я даже никогда не падал на ровном месте, как это бывает у людей. Разве что, под лёд проваливался, но там двоякая ситуация была... а ещё меня как-то толкнули, если так можно выразиться, я тогда чуть не сломал какую-то ценную штуку. Хотя... Что может быть ценнее моей жизни, ха-ха.

— Например, спокойствие и жизни других? — едко заметила девушка.

— Звучит как серьёзный упрёк, мисс Валенштайн. И что, вы бы меня убили, ради своего спокойствия?

— Смотрю, ты так оживился... Так оживился... Любишь поговорить о себе? Во-первых, задав вопрос, ты перекрутил мои слова себе в угоду, думал, я не замечу? Во-вторых, я пошутила, хотя... да, убить одного наглого, бесцеремонного, невежественного человека — предложение и в правду заманчивое.

— Радует, что вы преподаватель, — улыбнулся я, — поэтому вам придётся воздержаться от причинения боли бедному студенту... Да и промышлять таким не самое законное мероприятие.

— И то верно. Времена, когда провинившихся подвешивали за большой палец давно прошли...

— Разве такое было?

— Где-то, может, и было...

— Даже страшно представить... Так что, сожалеете, что вам запрещено пытаться детей?

— ЧТО?! Кх, — девушка быстро взяла себя в руки. — Смотрю, опять пытаешься перевернуть мои слова. Сожалею? Не-е-т, не сожалею. Незачем. Или... — её тело слегка двинулось вперёд, ближе ко мне. — Ты думаешь, что я побоюсь причинить тебе боль из-за каких-то формальностей?

— Да, боитесь. Иначе не провоцировали бы меня с самого начала, ожидая при этом ответной реакции или эксцентричного необдуманного действия.

— Какой мнительный...

— Есть немного. Но это не безосновательные доводы: вы уверены, что я не побоюсь поднять на вас руку. Но поступив так, я развяжу и ваши. Вот чего вы хотите. Вы ведь считаете меня невежественным.

— Вот как! — Шарлотта Валенштайн улыбнулась и чуть отпрянула, а затем, как и полагается людям её характера, — быстрым, но довольно спокойным и утончённым движением, заехала мне по лицу.

Самым недовольным, возмущённым и, наверное, расстроенным во всей этой ситуации остался Адам. (Несомненно, Адам.) Другой вопрос, что именно его возмутило: то, что меня посмели ударить или то, что так можно было поступить в принципе (и чуть ранее он многое упустил?).

Щека слабо жгла. А кисть девушки ещё какое-то время была зафиксирована на лице.

— Пощёчина? — я закатил глаза. — Серьёзно?

— Я уж понадеялась, что ты пафосно парируешь... Да уж, и вправду: видом пышный, а нутром никудышный.

— Парировать? Что ещё? Может завалить и выпороть?

— Звучит конечно красиво, но на такое ты не способен. Так что не стоит преувеличивать и бахвалиться.

— Здесь вы правы. Я и в правду плохой кандидат для решения проблем с вашей неудовлетворённостью.

— ...Я... что...

— В общем, — подытожил я, — патовая ситуация. Хотя шах и мат тоже возможны. Только... Не будем уточнять, от кого и кому. Будем считать, что одна из сторон уступает.

— Самонад...

— Стоп, стоп и стоп, — грубо перебил я. — Мы ещё не разобрались с вашей «невежественностью»...

— Моей?

— ...а вы уже начинаете ворошить «самонадеянность», как глупый ребёнок пчелиный улей. Незачем скакать от одного к другому, как блоха от собаки к собаке.

Насильно проглотив мои слова, Шарлотта Валенштайн собралась и медленно ответила:

— ...Сколько красочных сравнений! Признаю, мне даже начинает нравиться. А вот на счёт «ворошить» и «скакать» — зачем останавливаться на том, что и так ясно и не нуждается в разбирательстве?! — она скорчила удивлённую гримасу.

— Затем, — я слегка понизил голос и повторил то, что повторял уже несколько раз, — чтобы в навешивании ярлыков на бедных студентов, случайно не упустить из виду своё СОБСТВЕННОЕ НЕВЕЖЕСТВО, — последние слова я сказал тем тоном, которым их обычно произносила сама девушка.

— Ну вот, ты снова... — хотела было начать та, но я продолжил давить, не слушать и выводить.

— Я понимаю, трудно признать свою неправоту и своё невежество. Особенно, когда вы уже взрослая сформированная личность...

— Может прекр...

— ...Но все мы ошибаемся. Все бываем время от времени неправыми или, как вы сказали в самом начале, выдаём лже-филосовские мысли за истину. И это нормально: на самом деле наше отношение к тем или иным вещам — чистой воды субъективизм. Когда мы читаем или слышим те или иные высказывания, они нам либо близки, и мы соглашаемся с ними, либо нет — и отвергаем.

— ...

— И не имеет значение: это малоизвестная идея старого параноика о вселенском заговоре котиков, который изолировался от всех в Шервудском лесу и поклоняется им как высшей форме жизни, или признанное большинством мнение, что дети — цветы жизни. Что то, что то — субъективные утверждения. Можно лишь соглашаться или не соглашаться с ними. Но что «согласие», что «несогласие», — они не делают какое-либо утверждение абсолютным или исчерпывающим. Есть лишь те «за» и те «против», на которые горазда ваша (больная) фантазия и (скудные) знания... Но знаете в чём проблема, мисс Валенштайн?

Притихшая, недовольная, возможно, обозлённая, что её отчитывают и промывают мозги, белокурая девушка не ответила.

— Проблема в том, — продолжил я. — Что иногда люди как раз и страдают тем, что придают мыслям и утверждениям абсолютный окрас, полностью отрицая даже малейшую вероятность противоположного мнения, игнорируя доводы, свою неправоту или даже любую возможность своей неправоты. И именно этим вы сейчас и занимаетесь, точнее страдаете. Не так ли?

— Я...

— Молчите? Правильно. Иногда молчание и в правду что-то очень ценное. Так вот: даже если всё сказанное сейчас является моими субъективными лже-филосовскими мыслями, основанными исключительно на мелких наблюдениях, вам не кажется, что мне приходится говорить слишком очевидные вещи, чтобы донести свою мысль до такого взрослого и, на первый взгляд, неглупого человека, как вы? Приходится общаться с вами как с ребёнком... Простите, не так. НЕВЕЖЕСТВЕННЫМ ребёнком. Так будет правильнее.

Шарлотта Валенштайн молчала. Лучший способ «бить» человека — бить его же оружием.

Приняв на себя её срывающийся взгляд, я отвернулся так и не дождавшись ответа. Посмотрел на притихших и тренирующихся мальчиков, косо поглядывающих на нас. За всё время разговора они сделали так много, что практически ничего. Но в этот раз сильно ругать я их не собирался.

— Почему халтурим? — упрекнул я.

Однако... Голос из-за спины ответил раньше. Тихий, холодный, пронизывающий голос, будто умирающий шепчет на ухо. Даже Хаён было далеко до такого уровня холодности.

— Думаешь, — сказал он, — я позволю тебе помыкать собой?! Пойду на поводу у кого-то вроде тебя?! Несносного ученика ничего незнающего о жизни?! Говорящего напыщенными пафосными словечками, подсмотренными невесть где и повторяемыми с умным видом?! Думаешь я такая наивная и глупая?! НЕТ И НЕ...

— Во-первых, все мы повторяем и выдаём за свои мысли то, что уже было озвучено кем-то ранее, так что... Во-вторых, вы говорите, что не пойдёте на поводу у кого-то вроде меня? — я улыбнулся и наклонился ближе к девушке. — Всё зависит от того, чем именно является это «поводу». И если мы говорим о той лживой напущенной доброжелательности, с которой вы подошли ко мне, то... когда вы полностью избавились от неё и открыли истинное презрение... — я пожал плечами, — ...вы уже пошли на поводу у кого-то вроде МЕНЯ, моя милая девочка с белоснежно-белыми волосами. Хотя извините... Не так. Моя НЕВЕЖЕСТВЕННАЯ милая девочка с белоснежно-белыми волосами. Так правильнее.

— !!

Испепеляющий взгляд.

Перекошенный глаз.

Кривая улыбка.

Взмах!

Однако...

Шууух...

Прежде, чем нежная ручонка Шарлотты Валенштайн успела коснуться какой-либо части моего тела — мгновение — между нами образовался слой воды — ещё мгновение — девушка пулей отлетела назад и упала на спину.

— Позволить один дружеский удар, — мягко заметил я, — это ещё куда ни шло, но вот делать из себя манекен для битья — тут уж нет. Вы же не вздумали отыграться и выпустить свою злость на мне? Я, между прочим, не подушка для битья. Если не справляетесь, то меня уж точно незачем винить. И срывать на мне, между прочим, тоже не нужно.

— Ты... — быстро приподняв торс, а затем и полностью встав на ноги, Шарлотта Валенштайн уставилась на меня. — Подслушивал?

— Нельзя?

— ...

— Но знаете, будь я на вашем месте, меня бы больше волновал тот факт, что я не успел среагировать на атаку обычного студента...

— Это... — очень недоброжелательно начала девушка, она была явно не в себе. (Ясно одно: простым признанием своей неправоты это уже не закончится.)

В отличие от предыдущего происшествия с каменными изваяниями, внимание окружающих к этому было сильнее. Куратор даже встал и хотел было подойти, но увидев, как Шарлотта Валенштайн быстро поднялась на ноги, передумал. Видимо, «зная» нас обоих, решил оставить молоту и наковальне разобраться в своих разногласиях самим. Хотя судя по выражению лица, он ещё обдумывал, как правильно поступить.

Другие преподаватели, которые уже подходили к нам, были остановлены самой девушкой, которая направила на них резкий взгляд и сделала жест рукой.

«Он — моя добыча, — намекала она. — Я убью, расчленю и съем его с лучшим соусом. Если понадобится, даже переварю кости. Помешаете — пострадаете». (Или как-то так...)

— Заметь... — Шарлотта Валенштайн наконец-то пришла в себя, обратилась ко мне и даже вернула свою лживую улыбку, хотя скрыть свои настоящие эмоции она была не в состоянии. Отчего её улыбка напоминала натянутую скобами улыбку жертвы маньяка. — ...Первым магию развязал ты, — но как бы она не старалась успокоить себя, голос оставался всё таким же холодным.

— Я? Разве? Ну... Может быть... Теперь меня исключат? Грустно, а я ведь только перевёлся... Но так уж и быть, я смирюсь...

— Нет, не спеши, — быстро «успокоила» Шарлотта Валенштейн, улыбнувшись шире. — Достучаться до тебя словами, как до нормальных детей не получилось — признаю. Но... Это не значит, что я отказалась от идеи преподать тебе ценный жизненный урок... Например, обижать всех и каждого ни с того ни с сего — плохо, атаковать беззащитных девушек — тоже плохо. Но разъяснить тебе это словами бессмысленно. Поэтому придётся использовать более действенные методы, пусть это и будет физическое вмешательство...

— Физическое вмешательство? — прервал я. — Если это не что-то эротическое или пошлое, то я вынужден отказаться...

— Кх... — кто-то и где-то подавился.

— Всё дурака валяешь, да? — спросила девушка и, не сдерживаясь, добавила. — Как же сильно... Как же сильно я хочу поставить тебя на место!

— А преподавателям такое вообще можно говорить и делать?

— Не имеет значения, — Шарлотта Валенштайн стала подходить ближе. — Я же говорила, в твоём случае, меня не сильно заботят формальности.

Я задумался, улыбнулся и ответил:

— Что сказать — справедливо.

Затем поманил её рукой — приготовился утихомиривать озверевшую милашку с белоснежно-белыми волосами, предвзятым отношением к неизвестным людям и скверным характером, прикрытым лживой доброжелательностью. (И эта девушка ещё придумывает мне диагнозы?)

Глава 186. Игры с огнём (часть 2)

Шарлотта Валенштайн остановилась. Развязала магию. Быстро. Без лишних движений. Без малейшего колебания.

Магия Огня... Ей либо убивают. Либо деморализуют. Либо играют на публику. (Либо жарят ягнёнка.)

Что же было в случае Шарлотты Валенштайн?

Убийство?.. Вряд ли.

Ответ только один: причинение тяжёлых моральных и телесных увечий с целью удовлетворения своих Же-Же (жестоких желаний)...

Более 10 огненных потоков в одночасье появились в воздухе. Они медленно парили.

Языки пламени играли. Переливались.

Не спешили...

Казалось, будто стая огненных птиц застыла в воздухе перед смертельным пикированием. Перед охотой за бедным мышонком. Ничего не подозревающим мышонком...

— Она настроена серьёзно... — слышалось сзади.

Говорившим был Адам.

Проигнорировав его и его слова, я лишь махнул рукой, отгоняя всех четверых подальше, как надоедливых мух. Недолго думая, те мгновенно повиновались.

Я достал свой слэм-девайс. Старый и древний, его основной целью было отмазывать меня от неприятностей, когда кроме небольшого количества воды приходилось использовать что-то ещё. Причём прилюдно.

Шарлотта Валенштайн в свою очередь была очень тактичной. Не атаковала. Ждала.

Лишь её огненные потоки волшебным образом оказывались всё ближе и ближе ко мне. С каждой секундой. С каждым мгновением.

Окружали. Замыкали в кольцо.

Будь на моём месте среднестатистический школьник, для него такой расклад — проигрыш. Мгновенный проигрыш на все 100%.

Позволить вполне опытному преподавателю вот так вот окружить себя, да ещё и Магией Огня, — грубая тактическая ошибка. А с точки зрения любой литературы — грубая фатальная ошибка. (И если оппонент тебя превосходит, то так оно и есть).

С другой стороны — полная уверенность твоего оппонента, который, к тому же, не намерен тебя убивать, открывает множество возможностей и тебе самому, как минимум...

Клац...

— А, дьявол, — выругался я. — Простите. Секундочку...

Ту-у-к... Ту-у-к... Тук! Тук!

Я стал бить рукой по слэм-девайсу.

— Переключатели в последнее время заедают... Сейчас... Что-то не идёт. Секундочку...

Я присел...

Дун! Дун! Дун!! Дун!!! ДУН!..

...и стал долбить дном устройства о пол.

— Сейчас... Сейчас пойдёт... Как и в случае со мной, с ним тоже не обойтись без физического вмешательства, ха-ха.

— Рада, что у тебя хватает спокойствия изображать из себя клоуна.

— Клоунада — всё моё... Спасибо, что не торопите.

На этом моменте я почувствовал откуда-то сбоку тот самый «пронизывающий» взгляд того самого человека...

«Эй, Адам, я не виноват, что слэм-девайс заедает. Нашёлся великий укоритель».

ДУН!!

Я стал долбить сильнее.

ДУН!!

...

— Тебе уже не отвертеться... — заявила Шарлотта Валенштайн с появившимся умиротворением: охотник загнал свою жертву — её всё устраивало. — Признай, свой проигрыш и неправоту, тогда... Тебе достанется не так сильно...

ДУН!!

— Та ладно вам, — ответил я, приподняв голову. Огненные потоки девушки уже обжигали со всех сторон. Они были в 2-3 метрах от меня. — Кусок жестянки вот-вот заработает. Или вы спешите куда-то?

— Не...

ДУН!!

— Вот и хорошо.

ДУН!!

ДУН!!

ДУН!!

...

Её огненные потоки стали ближе. Не настолько, чтобы зажарить меня до хрустящей корочки, но настолько, чтобы мне стало очень плохо. И отчасти так оно и было. Я быстро стал горячим, красным, мокрым, как в очень жаркий солнечный день. А прошло всего лишь несколько минут.

Шарлотта Валенштайн всё ещё была спокойной и удовлетворённой. Она перебирала пальчиками. Делала узоры. Улыбалась. Играла глазками... В общем, ожидала, когда я не выдержу и сдамся. Возможно, потеряю сознание. Одним словом, наслаждалась.

...ДУН!!

— Знаете, — начал я, перестав постукивать и приподняв голову. — Я бы на вашем месте уже устал ждать. И либо атаковал, либо... Признал поражение. И как мне кажется, вам лучше выбрать последний вариант.

— И не дожидаться, пока мой маленький ягнёнок не зажарится до хрустящей корочки? Так не интересно.

— Вы очень жестокий человек, вам не говорили?

— Дай подумать... Мы ведь не спешим? — улыбнулась она. — Говорили или же нет? Что-то не могу вспомнить... Хотя... Точно! Или нет... Хотя нет. Точно! Говорили.

— И вы не думали обратить внимание на этот недостаток?

— Недостаток?! — удивилась Шарлотта Валенштайн. — Это не недостаток. Это часть характера, не более. Но и в ней есть свои плюсы, например, когда нужно иметь дело с такими как ты. Хотя давай называть это строгостью. Так будет правильнее.

— Не правильнее, а удобнее. И удобнее только вам. Но не важно. Так вот, у меня к вам деловое предложение. Я всё-таки не хочу унижать вас перед всеми своей победой. Интересно?

— Хи-хи-хи, — прикрыв рот кулачком, девушка издала тонкий смешок, но быстро взяла себя в руки и весело ответила. — Давай, выкладывай.

— Итак, практически акция. Вы признаёте свой проигрыш. Соглашаетесь с тем, что вы невежественная милая девочка с белоснежно-белыми волосами, и мы расходимся. А если ласково попросите, то я даже угощу вас чашечкой кофе вместе с теми мальчиками.

— Честно?

— Давайте.

— Даже не знаю, откуда у тебя столько уверенности и безрассудства, но... От твоего щедрого предложения я вынуждена отказ...

Белые полупрозрачные песчинки... Множество песчинок...

Шух!

Шух!

Поднялись вверх.

Завертелись штормом.

Окружили меня. (Окружили её.)

Укрыли. (Замуровали.)

Потушили пламя. (Обездвижили тело.)

Разошлись облаком и нависли над нами.

Мгновение. (Попытка освободиться. Слабый стон...) Безрезультатно.

(Ещё одна попытка.) Безрезультатно. (Тяжёлый выдох...)

(Ву...)

(Языки пламени! Искры! Жар!) Однако... Песчинки. Песчинки. Песчинки.

(Снова попытки освободиться! Снова искры! Снова пламя!) Однако... Песчинки.

(Пфш...)

(Попытки использовать воду! Смыть это всё! Освободиться!!) Однако... Ещё больше песчинок.

...

Что бы это ни было — песчинки были всюду. Они были быстрее. Их было больше.

(Но девушка сопротивлялась! Не желала сдаваться!) Тщетные попытки...

Безрезультатно.

Оставалось только сжалиться...

Тиск...

Давление.

Тиск...

Ещё больше давления.

(Протяжный стон... Тяжёлый выдох... — девушка замерла. Окружённая со всех сторон... Замурованная. Замерла...)

...

Я встал. Обтрусился.

Посмотрел на замурованную преподавательницу. Лишь лицо было открыто.

Бледное. Мокрое. Местами грязное.

Перед ним парил тонкий камень, упирающийся остриём в самый лоб.

— Знаете что? — спросил я, продолжая обтрушиваться от собственного Кальцита (CaCO_3).

Создать большой кусок было просто. Но вот множеством песчинок... ещё и с жестянкой... ещё и незаметно... ещё и рассеять их... — потребовалось время.

Я продолжил:

— Только не говорите, что вы не знали, к чему всё идёт. Вы даже не использовали сенсорное

поле... Я конечно обычный бедный студент, но это обидно. Да и с ним вы бы продержались дольше... Хотя... Неважно. Итак, если не признаете, что вы — невежественная засранка, — я, без шуток, выцарапаю это у вас на лбу, и поверьте... Никто и ничто меня не остановит. Так что, — я посмотрел в сторону приближающихся преподавателей, затем в сторону выросшего в ста метрах куратора, — не советую развязывать магию, сопротивляться или мешать мне. Пусть это всего лишь Кальцит... от всего лишь студента... но то, что я быстрее, уже должно было дойти до вашего крошечного мозга. И чтобы не произошло, чтобы не случилось... Я не оставлю вас без заслуженного «подарка».

— Т... т... т-ты...

— Только не плачьте, пожалуйста. Ваш проигрыш был предрешён. Предрешён в тот самый момент, когда вы решили остановить своё умственное развитие и начали прикрывать своё невежество, обвиняя в нём других. Незаслуженно обвиняя. Играть с огнём можно, но можно и обжечься. Пафосно звучит? Старался специально для вас. Так что, надеюсь, оцените.

— Я не... не... не не-в-ве...

— Отпусти её! — кратко, спокойно — холодно приказал куратор.

— Ха? НЕТ, — кратко, спокойно — жестоко ответил я.

◇◇◇

(От 3 лица)

— Всегда знала. Вечно с ней одни проблемы.

— Ты о ком?

Шестой Помощник Регана О'Лири и один из её подчинённых нарушили молчание.

— Мишель, — кратко сказала женщина. — Она даже чудика нашла под стать себе. Как хорошо, что я ещё не ушла и сама всё застала. До этого всё было слишком скучным. Ты и ты, — она обратилась к двоим, — направляйтесь туда и будьте поблизости. Те мгновенно выдвинулись.

— Решили действовать? — спросил подчинённый.

— Пока нет. Мне просто хочется поскорее умыть руки от их «семейных» разборок...

— Но Реган...

— Реган О'Лири то, Реган О'Лири сё... — недовольно сказал Шестой Помощник. — Что Реган О'Лири? Единственное его достижение — что она его слушается, как никого другого. Пока что слушается.

— Поэтому он хочешь, чтобы ты всерьёз обработала этого человека?

— Либо поэтому, либо потому что сам не уверен и знает, что мы любим делать всё по-своему.

— Вот как. Следить за подростком — нудное дело... Мы могли бы...

— Уже не нудное. Он только что обвёл вокруг пальца кучу преподавателей. Он изначально знал, как будет действовать, — и действовал. А сейчас он ещё и угрожает физическим насилием взрослому. Я же сказала, Мишель нашла чудика под стать себе, научись вникать в суть.

— Извини...

— А действовать... Я ещё решаю, тот ли это случай, когда мне нужно искать альтернативные решения. Хотя всё больше похоже, что не нужно. Поэтому, вероятно, мы просто всё сделаем, закроем дело и позабудем о нём.

— Даже так?

— Как говорится, властный хозяин не любит, когда его сторожевая собака ест из чужих рук или подаёт лапу кому-то ещё.

— Грубый пример...

— Но очень точный. Так что запомни на будущее, раз уж варишься во всём этом.

— Хорошо, — кивнул мужчина и неосознанно почесал затылок.

(От 1 лица)

— Не переходи черту! Отпусти! — негодовал куратор. Он старался говорить сдержанно, видимо, в попытке договориться (или нет?). — Ты, в шаге от точки невозврата. В шаге нарушить все дозволенные границы.

— Разве? Она первой начала. Я лишь хочу справедливости.

— Справедливости?! Ты угрожаешь своему преподавателю! Если сейчас же не избавишься от магии...

— То что? Единственная причина, почему я ещё не избавился от магии — это нежелание «моего» преподавателя сказать два слова. Два простых слова. Вам лучше не меня запугивать, а посоветовать «моему» преподавателю признать свои ошибки.

— Она признаёт свои ошибки. Теперь отпусти её.

— Нет.

— КАРААК!

Куратор становился злее. Всё злее и злее. (Поделом ему.)

Но стоило отдать должное, пусть он и скрывал свою агрессию, решать вопрос грубой магической силой он ещё не начал. Но вот другие преподаватели... В отличие от него, они были настроены решительно. Их энергия заполонила пространство. Всё вокруг. «Выискивала» слабые места и ожидала подходящего момента, чтобы напасть. Чтобы закончить прекрасное шоу — моё шоу — раньше дозволенного.

Их кварки были готовы в любую секунду собраться во что-то «нехорошее» и «злое». Вероятно, их целью было максимально быстро вывести меня из игры. Буквально за один ход. И единственное, что не давало им это сделать и тормозило, — моё каменное остриё, способное мгновенно войти прямо в голову замурованной со всех сторон Шарлотте Валенштайн.

А может их тормозил куратор, подбирающий слова и образумливающий меня? Или... Это заговор, где они были заодно? И он, в свою очередь, просто оттягивает время, беря на себя роль отманщика?

Видя резкую перемену — агрессию — всех этих преподавателей, мне невольно стало забавно. Их решительность действовать до конца — ранить, даже убить — одновременно восторгала и

смешила. Они напоминали быстро подорвавшихся со своих мест собак, на территорию к которым случайно забрёл чужак: стоят, смотрят, рычат — пассивно скалятся. По сути — бездействуют. И бездействуют не от ума собачьего, а просто потому, что совершенно не ощущают страха или неуверенности в незваном госте, будто это они потревожили его, а не он их.

...Куратор продолжал говорить и отчитывать. Сотрясал воздух похлеще старой бабки, покрывшейся слоем пыли вместе со своими доисторическими книгами и учебниками. Единственное, чем я мог его «уважить», — полное игнорирование.

Я перевёл взгляд на быстро слившуюся и набравшую в рот воды Шарлотту Валенштайн. Она смотрела в ответ. Смотрела прищурено, будто я был не человеком, а источником яркого света.

Стоило ли мне корить себя за измывание и задираание маленьких детей? Или, наоборот, восторгаться проделанными попытками добавить пару дополнительных извилин в их черепную коробку?

Ответить было трудно, особенно беря во внимание тот факт, что на деле никаких ощущений у меня не было. Лишь лёгкая неудовлетворённость от нелепой победы и безграничной тупости некоторых волшебников.

Другой вопрос: повёл бы я себя так же скверно и эксцентрично, будь на месте Шарлотты Валенштайн кто-то другой? И вот уже на это вопрос ответ был однозначным. Однозначным и — отрицательным.

И раз он был отрицательным, это значило только одно: дело было не в том, что меня задели слова и поведение девушки, а в том, что она мне импонировала, и мне искренне захотелось переубедить её. Указать на её неправоту. Пусть и пришлось, в конечном счёте, использовать грубую силу, твёрдую хватку и жестокое отношение. Рано или поздно, но кто-то должен был это сделать. И получить этот волшебный пендаль не от кого-то, а от меня — невероятное везение.

Но вот возымеет ли этот пендаль эффект — неизвестно. Поэтому нужно было либо отступить и дать девушке время на переосмысление, либо... добить. Добить, исключив все ненужные варианты и сомнения. Добить, не оставив никаких причин что-то обдумывать. Переосмысливать.

...Шарлотта Валенштайн смотрела на меня. Смотрела своими сырыми глазами, выражающими весь букет глубинных и не глубинных переживаний и чувств. Смотрела, загнанная в жестокие тиски реальности. Реальности под названием КАРААК. И какими бы ни были последствия — да какие могут быть последствия?! — эта маленькая «клоунада» стояла всех выходов за границы дозволенного и недозволенного.

Появилось желание прямо спросить: «Почему же ты молчишь, невежественная девочка?» Но делать этого не было смысла, ведь ответ лежал на поверхности.

Всеми «шестыми» чувствами я осмотрел окружение. Покрепче сжал старенький слэм-девайс и, обложенный со всех сторон преподавателями и их кварками, принял решение.

Сдаться сейчас — возненавидеть себя. Сожалеть всю жизнь. Чтобы не сожалеть — идти до конца.

Больше не нужно тянуть время. Нужно действовать. Действовать жёстко. Наглядно. Аккуратно. Талантливый школьник, гениальный студент или больной псих?! — какую бы планку я сегодня не пересёк, это будет иметь смысл.

Одним из самых молодых официальных «монстров» в истории был мальчик-не-Звер лет семи-восьми. Так что, такому как я — во всех смыслах «старпёру» — просто бессмысленно бояться кого-то удивить или, тем более, бессмысленно претендовать на какую-то особенность. А значит — нет смысла чрезмерно сдерживаться.

— Хорошо, — мягко сказал я, прервав болтовню куратора. — Так и быть, как и говорил, я её отпущу. У меня тоже нет желания затягивать это всё.

— Вот и хорошо. Тогда... — но прежде, чем тот договорил, до него дошло, и он запнулся. Одновременно с этим моя магия ослабла, а гробница из Кальцита стала рассыпаться. При этом... Мой контроль усилился, и остриё каменной заточки мгновенно вонзилось в мягкий лоб девушки.

Остриё плясало под сопровождение мучительного стона~

Стон в свою очередь пробудил скалящихся преподавателей. Их энергия прошла путь синтеза. Сотни атак стали приближаться, желая вывести меня из строя. А вместе с ними, сбоку от меня, возник насыщенный магический поток — «шах» от куратора, — намеревающегося сдуть все мои кварки — «сдуть» мой контроль.

Всё произошло практически одновременно. С миллисекундным интервалом.

И это был не конец — это было только начало. Начало моего ответа — начало их конца...

К этому моменту с Шарлоттой Валенштайн и «подарком» для неё было покончено. Как я и сказал вначале — меня никто и ничто не остановит: напоминание о моём скверном характере и её неправоте останется в её мыслях навсегда (а если понравится, может и не только в мыслях). Как кто-то когда-то сказал, победа, как торт, сладка сама по себе, но без спелой вишенки — лишь смесь муки, яиц и дешёвого маргарина.

И вот — вишенка положена.

Однако!

Однако теперь осталось защитить произведение кулинарного искусства от наглых мух, покусившихся на него. Не дав — не позволив! — засрать его.

Окружённый кучей магических атак этих наглых тварей, я использовал самое ценное оружие волшебника — кварки, скорость и мухлёж. Одной рукой я активировал слэм-девайс. Второй — высвободил часть энергии напрямую.

Жерло слэм-девайса превратилось в чрево извергающего пламя дракона. Выжав устройство на максимум, на весь его возможный и невозможный потенциал, я заставил старую жестянку изрыгать мощный огненный поток, который мгновенно окружил меня. Мгновенно взмыл!

Толстая и жирная — сфера быстро росла. Висела надо мной. Закручивалась.

Играла языками, как солнечная корона! Они вихрились. Вылетали в стороны. Несли тепло. Жар! Ослепляли! Обжигали!

Все до одного — преподаватели увеличили свой напор. Свою магию!

Кругом всё бушевало! Кипело, плавилось и горело! Магия не магия — я был неприкасаем! Надо мной — солнышко!

Солнышко, способное убить всех. Убить вся! Оно росло. Оно радовалось! Превращалось в громадного монстра. В опасного зверя! Зверя, цель которого — истреблять! Массово! Беспощадно!

Сжигать под самый корень! До чёрной золы!

Оно стало больше! А затем — резко сжалось!

Сплющилось!

Стало меньше!

Ещё меньше!

И...

Бедный и измучанный — я выдохнул.

ВЗРЫВ!

Солнышко рвануло!

Огромная направленная волна устремилась вверх и в стороны!

Шух!

Шух!

Шух!

Завихрѐнные языки пламени разошлись кругом. Взяв их под контроль и перенаправив, — я отбил всевозможные атаки. Смыл всё, что секундами ранее окружило меня. Часть — сдута вверх и в стороны. Другая — остановлена барьерами.

Вместе с потолком и крышей, взрывная волна устремилось в небо, будто лава извергающегося вулкана. Здание тряслось. Местами разваливалось. Пылало!

Студенты, преподаватели, я сам — все были укрыты барьерами. Моими барьерами.

Многие попадали или отлетели в стороны. Больше всего досталось некоторым преподавателям, которые своими тушками поцеловали пол, стены, друг друга.

Кроме того, всё взмывшее в небо начинало градом обрушиться обратно. Обратно вниз.

Сразу после взрыва я активировал ещё больше заготовленных ЗСН-эффектов. Укрыл ближайшие зоны, уязвимые места.

Будущий град был не за горами.

Не только я. Другие тоже спохватились. Начали действовать на опережение.

...

Картина «огня и пламени», «раздавленных и растоптанных»...

Собственное доминирование... Унижение других...

Что это за мимолётные ощущения, невольно всплывающие в голове? Приятные ощущения. Возвышенные. Но... Исчезающие так же быстро, как и всплывающие.

◇◇◇

(От 3 лица)

Лицо Шестого Помощника Регана О'Лири ничего не выражало.

Её люди быстро среагировали на «извержение вулкана» и приготовили защиту от последствий взрыва. Рассеяли кварки. Развязали магию. Активировали множество барьеров. Однако... В происходящее ранее не вмешивались...

Очевидный этот финал или нет? Она и сама не была уверена.

Перед ней стояла дилемма:

Взрыв — был.

Пострадавшие — были.

Умершие... Умерших не было.

И, вероятно, даже не вмешайся другие волшебники и она сама, смертность всё равно была бы нулевой. Разве что пострадали несколько самых невезучих людей. Но и это неточно. Сильно не точно.

«Сколько же в нем силы?... Контроля?... Мощи?..» — этот вопрос не на шутку вьелся в её голову.

Увиденное было по-настоящему... редким явлением.

«Было ли всё произошедшее случайностью, олицетворением запредельного везения, удачи? Или же — нет?»

Даже она не могла ответить на этот вопрос. Внешне всё казалось слишком продуманным, но вблизи — вся эта продуманность была слишком спонтанной и случайной. Она сама это видела.

Но... Это напрягало даже больше... (Или пугало?)

«Вечно с тобой одни проблемы...»

Эпилог

...

— Ну и псих...

— Просто чокнутый...

— Заткнитесь! — резкий и до жути сердитый голос Адама прервал двух однокурсников. Тон был настолько несопоставим с обычным Адамом, что те и вправду моментально заткнуться.

◇◇◇

...

— Что?! Что случилось?!

— Повторяю, Мишель, — Станислав Гауф повторил всё ещё раз.

— И что теперь?!

— Не знаю, но с Академии Магии его уже исключили.

— Ты шутишь?!

— Нет.

— Что дядя?!

— А что он? Он ничего.

— Гауф!

— Мне больше нечего сказать, всё что я знаю, я рассказал. Не то, что бы произошло что-то серьёзное, но и ничего хорошего тоже. Как поступишь?

— Я...

— Вернёшься?

— ...Я попрошу дядю решить этот вопрос!

— Уверена?

— Ты же сам сказал, что ничего серьёзно не произошло!

— Я не так сказал. В общем, решай сама.

— Решу!

— Слышал, ваше дело сдвинулось с места, поздравляю.

— Мне не нужны твои поздравления! Лучше...

— Ладно-ладно. Давай. Пока.

Станислав Гауф быстро сбросил. Слушать необоснованные наезды своей бывшей напарницы он не хотел. Он задумался и вздохнул. Сам лезть в это дело он не собирался: хотел или нет, но явно ощутил запах горелого.

«...Дядю? Придёт время, когда тебе придётся самой решать такие вопросы, а не доверять всё кому попало».

◇◇◇

(От 1 лица)

...

— Добрый день.

В комнату допроса зашёл очередной следователь. Его появление меня заинтересовало. Это был тот случай, когда ты готов ко всему, но как оказывается — не совсем ко всему. Он медленно прошёл внутрь и сел напротив. Разложил кое-какие папки. Открыл и стал что-то внимательно перебирать.

Лично, я его не знал, но время от времени мы косвенно пересекались: я копошился в его кабинете и вещах, один раз нарушил его педантичную последовательность папок, чем вывел его из себя, а ещё я мысленно величал его «волк-одиночка».

Его было трудно забыть: мужчина среднего роста с бледно-серым лицом, сильно выпирающим кадыком и растрёпанными волосами — его целеустремлённости могла позавидовать даже гиена.

Разобравшись со своими бумагами он посмотрел на меня. Я посмотрел в ответ. Его лицо ничего не выражало, было механическим и грубым, будто его не родили, а склепали где-то на территории Австралии, где-то в стране Зоро, вместе с другими ИИ.

Сверяясь с документацией, он заговорил:

— Караак, верно?

— Да.

— Вы не указываете свою фамилию. Причина?

— Не хочу.

— У вас нет ни семьи, ни родственников, верно?

— Да.

— Расскажите о своём детстве.

— С 2201 по 2209 жил в государственный приюте номер 1516 в городе Буянт. Родители, насколько позволяет судить моя родословная, были иммигрантами из Арктической Страны.

— Вы родились в Буянте?

— На сколько я знаю, нет. Но жил в приюте, можно сказать, с младенчества. В возрасте 8 лет, покинул приют, отчасти из-за того, что пошёл в школу, отчасти потому, что мне там не нравилось.

— Где вы жили после?

— Точно не скажу: то там, то сям. На что позволяли финансы. Хотя я и ушёл из приюта, но государство всё ещё частично обеспечивало меня, плюс я заручился поддержкой школы. Первое время именно там мне и помогли с жильём. Я неплохо владел магией, чуть лучше сверстников, так что реализовать это было нетрудно.

— Где обучались магии?

— Основам — в приюте. Потом непосредственно в школе. Номер позабыл. Недавно там началась какая-то реструктуризация, нужно было переводиться в другую. Так я попал сюда, в Батор, и в старшую школу №10. После недавней катастрофы, перевёлся в Академию Магии.

— Почему вы не выбрали новую школу в родном городе или близлежащей окрестности?

— Все расхваливали столицу. «Она большая и красивая, — говорили они. — Много возможностей», — и прочее. Решил проверить и переехал.

— Значит, перевелись в старшую школу Батора целенаправленно?

— Сначала нет. Приехал. Осмотрелся. Выбрал её. Её все хвалили.

— Что было дальше? Стали наводить свои порядки?

— Не совсем. Я мальчик из «села». Пришлось действовать на опережение. Как говорится, лучшая защита — это нападение.

— Поэтому вы устроили бойню в Академии Магии?

— Нет. Бойню я не устраивал. Я всего лишь защищался. Преподаватели действовали слишком агрессивно.

— Я ознакомлен с вашей версией. Можете не повторять. Но об этом позже. Пока что меня интересуют другие вопросы. Так... Для начала скажите, как вы познакомились с другой школьницей, с Тсубой Эрикой.

— Дайте подумать. Впервые мы заговорили, когда они пришли к нам в дисциплинарный комитет по какому-то вопросу. То ли олимпиада, то ли ещё что-то.

— Какие у вас с ней отношения?

— Никаких. Я был обманут её внешностью. Потом на нас напали. Больше мы не виделись.

— Есть подозрение, что она является иностранным шпионом и что в тот день её пытались захватить спецслужбы Монголии. Вам это известно?

— Только то, что она вроде как имеет отношение к какой-то крупной фракции в другой стране.

— Откуда вам это известно?

— Услышал во время разговора допрашивающих меня следователей.

— Когда это случилось?

— Это случилось... Точно не скажу, но уже через какое-то время после происшествия... Точно, помните, когда здоровый огненный смерч заполнил Батор, вот приблизительно в то время.

— Огненный смерч... да ясно. До или после?

— Через несколько дней.

— Кто брал показания и о чём спрашивали?

— Это конфиденциальная информация... Но раз вы так и смотрите и вам так интересно, то там тоже уточняли что-то по поводу Эрики. А брал... Какой-то следователь из полиции и... Мишель Лири.

Делающая пометки рука волка-одиночки на долю секунды дёрнулась, а затем снова продолжила писать.

— В тот день вы находились вместе с подозреваемой Тсубой Эрикой, перескажите ещё раз, как всё было.

Я стал медленно пересказывать основные моменты своей версии. Свой рассказ я закончил словами:

— ...Юность... Любовь... Если бы моча не ударила в голову, жил бы себе спокойно.

— В тот же день, когда вы покинули школу с подозреваемой, там произошёл другой инцидент, вы знаете о нём?

— Да, на школьницу было совершенно покушение. Пострадавшей была Кудо Сакура, а виновницей, как оказалось позже, девочка по имени Хаён.

Следователь открыл кое-какие фотографии и видео, вывел их на общий экран и спросил:

— Это она?

Я просмотрел всё, что мне решили продемонстрировать. На видео и фото можно было отчётливо опознать черты девушки по имени Хаён, которая попала в объективы общественных камер и флаймов.

— Да, похоже на неё.

— Какие у вас с ней отношения?

— Никаких.

— Какие у вас отношения с кланом Кудо?

— Никаких.

— Вы тоже упоминаетесь в этом деле. Расскажите, что произошло.

— Я был членом дисциплинарного комитета и работал в паре с Хаён, которая как оказалось пыталась убить главу дисциплинарного комитета Кудо Сакуру. Потом было ещё одно покушение. В школе воцарился хаос. Было много следователей. В один из дней, ко мне пристала какая-то старая женщина. Потом прибежала ошарашенная Хаён. Потом какой-то чокнутый старик... Я и вправду не самый везучий человек.

— Больше деталей.

Я повторил всё ещё раз, добавив оборотов, сравнений и воды. Я закончил — волк-одиночка сразу спросил:

— Зачем вы стали мешать с задержанием?

— Я не мешал.

— Как же тогда...

— Кто? Пара больных стариков из клана Кудо? Или что? Они вели себя как неадекватные психи. Что один, что второй. Чрезмерно, нет, чрезвычайно — непростительно! — агрессивно и кровожадно. Я не одобряю линчевания ни в каком его проявлении.

— А как же ваш сегодняшний поступок с преподавателем... Так... Шарлоттой Валенштайн?

— Давайте не будем путать утоление своих жестоких желаний с небольшим пинком, цель которого не причинить вред, а указать человеку на его неправоту.

— Вот как вы это видите? Но в том-то и дело: разве в конце концов это не сводится к одному и тому же — физическому насилию и, как вы выразились, «утолению своих жестоких желаний»? Можете не отвечать. Почему в тот день вы использовали против Кудо лёд?

— Просто.

— Учитывая сегодняшний день, не было бы эффективнее использовать Магию Огня?

— Не задумывался. Меня и лёд вполне устраивал.

— Можете перечислить все слэмы, которыми вы владеете в совершенстве?

— В совершенстве — нет. Если отвечать просто, то: Синтез Воды, ЗСН-эффект, Магия Огня, Перенос Материального Тела, Синтез Кислорода, Кальцит... Всё.

— Где вы изучали Магию Огня и Синтез Кислорода?

— В школе.

— Магию Огня ввели недавно. А Синтез Кислорода преподают далеко не в каждой школе. Лишь с уклоном в медицину, и то... Итак, ваш ответ — неудовлетворительный.

— Тогда — само как-то.

— Само? Почему вы не поставили в известность своих преподавателей или уполномоченные службы?

— Не знал, что это обязательная процедура.

— Формально нет, но есть и свои нюансы. Вы обучались где-то ещё, кроме приюта и своей первой школы?

— Нет.

— У вас были учителя или наставники, не связанные с приютом и первой школой?

— Нет.

— Тогда, вы признаете, что поступили противозаконно, не уведомив об этом своих преподавателей и уполномоченные службы?

— Нет. Во-первых, формально это делать необязательно. Во-вторых, впервые Магию Огня в бою я использовал уже после её введения в школьную программу.

— Вы неоднократно пользовались ею в общественных местах.

Следователь вывел на экран видеофрагменты со мной и с Магией Огня в моих «руках», которые, видимо, были зафиксированы некоторыми правоохранительными флаймами и камерами.

— Это не запрещено.

— Верно, но в тоже время, закон подразумевает, что дети и подростки должны сообщать о владении условно запрещённой магии в уполномоченные службы.

— «Подразумевает»? «Условно запрещённая»?

— Именно.

— Тогда, может ещё повесите на меня разрушение 10 школы и то, что я многолетний Звер, скрывающийся в личине школьника? Ведь по вашей логике, что угодно может подразумевать в себе что угодно. Главное, захотеть увидеть в этом «что угодно» нужное для вас «что угодно». Если задуматься, так можно очень быстро закрыть все имеющиеся дела. Как минимум «что угодно» в виде меня у вас уже есть, осталось только найти ещё больше «что угодно», к которым можно подвязать меня в качестве «что угодно»...

— Слишком много «что угодно».

— Могу повторить.

— Не нужно. Смысл я понял. Скажите, какие у вас отношения с Мишель Лири?

— Дружеские.

— Всё?

— Да.

— Перескажите последовательно всё произошедшее 16 октября 2218 года.

— Это когда мы натолкнулись на странного мертвеца?

— Судя по отчётам, да.

Вспомнив всё необходимое, я стал кратко описывать основные моменты того дня.

...

— То есть, — остановил следователей, — она просто забрала вас с занятий, не имея на это прав? Ей так захотелось?

— Не совсем. В тот день она допрашивала меня вместе с ещё одним следователем, и я узнал кое-какие нюансы, которых знать не должен был. Поэтому мне пришлось ехать к ним в отдел, дабы разобраться с вопросом о неразглашении. По пути её срочно направили в некоторые места, связанные с их расследованием. Мне как «балласту» пришлось следовать за ней. Но из-за всего произошедшего, доехать до места назначения и оформить документы мы так и не смогли. А после — мы сблизилась.

— Продолжайте.

Я продолжил рассказ.

...

— Ещё раз. Получается, вы просто услышали шум, просто проникли на частную территорию, просто вскрыли склад? — спросил следователь, внимательно разглядывая свои записи.

— Видимо, да.

— Слишком много «просто».

— Разве?

— Да. А ещё, слишком идеальная последовательность. Открыть секрет?

— Если меня после этого не убьют... Ладно, хорошо.

— Такие «повороты» встречаются либо в плохо прописанных книгах, либо... Всё было сделано осознанно и результат был известен. Вам так не кажется?

— И вправду, есть такое ощущение... Никогда бы не подумал, что я персонаж плохо прописанного произведения...

— Я не об этом.

— Ну... Мишель Лири — эксцентричный человек: нет ничего удивительного в её, эм, слегка чувствительной реакции на сильный шум.

— Сильный шум? Промышленный район. Промышленный склад. Там бывают звуки и похуже, чем шум пары упавших бочек.

— Не спорю.

— Не говоря уже о том, что описанная причина оказаться «в нужном месте и в нужное время» до безобразия притянута за уши.

— Но так и было. Тем кто предложил перекусить, был я. Место тоже выбрал я. Выходит, я спланировал это всё и знал о тех мертвецах? А шум? Я что, вселился в того замаринованного карася, которому надоела его консервная банка, и начал тарабанить как последний идиот?

— Необязательно как последний. И необязательно идиот. А если смотреть на это под другим углом, то можно даже сказать наоборот: как продуманный человек.

— Что сказать, будь это так, я бы воспринял ваши слова как комплимент. Расскажите мне ещё о моих вселенских заговорах, пожалуйста?

— Других я пока не знаю. Ещё один нюанс: то, с чем вы там встретились... Мишель Лири — опытный волшебник и сотрудник госбезопасности — не смогла справиться сама, а только с вашей помощью? Звучит неправдоподобно.

— Не совсем. Ей просто пришлось тратить часть силы на мою защиту, а учитывая силу противника и его напор... Всё получилось так, как получилось, само собой.

— Тогда, как насчёт такого: почему никто из вас не предпринял попытку покинуть территорию того склада? Почему никто из вас не вызвал подкрепление?

— Трудный вопрос... Но там была какая-то штука, которая будто отрезала нас от окружающего мира.

— И Мишель Лири не смогла от неё избавиться в первую очередь?

— Не помню. Но, если не ошибаюсь, никаких попыток она не делала.

— Не делала, — записал волк-одиночка. — Хорошо. Дальше.

— Мы кое-как победили, правда, я получил ранение. Чуть позже их штатный врач меня залатал. Если бы вы видели, как он всё делал.

— Могу представить. Это всё?

— В целом да. Возможно, было ещё что-то. Использованная магия и точный ход сражения должны быть записаны в отчётах.

— Об этом, почему вы снова использовали только лёд? Не проще было бы использовать ваше пламя?

— Поймите уже: сегодняшний день — это непреднамеренное случайное стечение обстоятельств. Я даже не знал, что так могу.

— Я вас понял. Хорошо. К этому мы вернёмся позже. Было ещё несколько событий, в которых вам посчастливилось засветиться. Вы ранили девушку, верно? Понимаете, о чём я говорю?

— Понимаю. Это была Джулия Бортэ, и во время нашей тренировки я слегка перестарался. Она была ранена.

— А уже после, на следующий день, школу разрушают, а её директор без вести исчезает, причём неизвестно — то ли как сошедший с ума виновник, то ли как пострадавшая жертва?

— Только не говорите, что вы сейчас скажите о моей запланированной встрече с ним, и сделаете из этого очередной вывод? Мне уже пора говорить фразу: «Мне нужен адвокат?»

— Пока нет, но адвокат лишним никогда не будет. Меня просто слегка заинтересовало всё произошедшее и ваша роль в нём, кроме того, я частично имею отношение ко всем расследованиям, в которых вы, так или иначе, засветились. А откладывать нашу встречу после сегодняшнего было бы упущением с моей стороны. Тем более... В прочем об этом позже.

— Я конечно знал, что популярен, но чтоб настолько... Мне стоит радоваться или бояться?

— Это уже вам решать. Расскажите, как вам удалось выжить во время Октябрьской Катастрофы?

Я вздохнул:

— 27 октября... Это был ужасный день. С утра мне нужно было встретиться с директором, чтобы обсудить вопрос, связанный с ранением Джулии Бортэ. В какой-то момент, когда я шёл к нему, всё начало трястись. Издалека я увидел, как его кабинет превратился в щепки, а затем и всё кругом... Я быстро оказался погребённым под завалом, но использовав защитные барьеры и Синтез Кислорода, смог укрыться.

— Учитывая сегодняшний день, у вас определённо нет недостатка в магической силе, почему вы не выбрались?

— Во-первых, она у меня не такая большая, какой вы её описываете, пусть я и разрушил — кое-как — часть тренировочного зала Академии. Во-вторых, не знаю как вы, но первое о чём я думал, оказавшись под толстым слоем бетона, железа и земли, это было не как красиво и эффектно выбраться наружу, а как выжить. Я был счастлив уже от того, что меня не задавило. Не отрицаю, что я мог что-то взорвать, но у меня ещё остались те небольшие крупы ума, чтобы воздержаться от огненного синтеза в замкнутом пространстве. Синтезировать кислород и не рыпаться — было самым адекватным решением на тот момент, как по мне. Пусть, в конце концов, я сильно вымотался и ослаб. Да и насколько я знаю, на поверхности в тот момент было не намного безопаснее.

— Довольно практично и разумно, не спорю. Тогда давайте перейдём к сегодняшнему дню, — он достал недавно заполненные протоколы, — вы утверждаете, что признаёте свою вину, верно?

— Нет. Я лишь не отрицаю того факта, что оставляя увечья на лбу преподавателя был в здравом уме и твёрдой памяти.

— Зачем вы это сделали?

— Она меня спровоцировала, она сильно заблуждалась, и мне пришлось предпринять меры, дабы пресечь её будущие предвзятости и предрассудки к другим невинным студентам.

— Благородно. Добавьте ещё что-то?

— Нет. Это всё.

— Вы утверждаете, что ваше устройство преобразования магии оказалось в тот момент неисправным, верно?

— Поначалу оно сильно заедало и не хотело работать. На моменте же с Магией Огня всё произошло наоборот — синтез запустился сразу, но выключить или прервать я его не смог.

— Это знает каждый ребёнок: почему вы просто не перестали вливать свою магическую силу, когда осознали, что устройство не выключается и не слушается вас?

— Да уж... Конечно я это знаю, но в тот момент всё было иначе. Я мог потерять контроль и сильно ранить окружающих и себя. В основном себя, учитывая, что в тот момент рядом был только я. И скорее всего так бы всё и случилось.

— Это звучит неправдоподобно, учитывая, что произошло после.

— Вы не правы. В тот момент я был шокирован, а вы говорите «неправдоподобно». Когда я взял себя в руки, пламя уже вымахало размером с маленькое солнышко. Ещё и эти преподаватели — кретины... Вместо того, что бы включить мозги и ничего не делать, усилили свои атаки и окружили меня со всех сторон, будто я не человек, а тренировочный манекен. Если бы они меня не убили, то как минимум оставили инвалидом на всю жизнь. В тот момент, когда я был окружён со всех сторон магией, в ту секунду, когда я наконец-то пришёл в сознание, избавился от охватившего меня шока, мне ничего не оставалось, кроме как быстро найти решение. И я его нашёл. Вот и всё. Я не мазохист и не мученик, чтобы разменивать свою жизнь на тупость кучки кретинов-преподавателей.

— Поэтому вы сжали пламя и устроили взрыв?

— Да.

— Сжимать пламя вы тоже научились сами?

— Как видите.

— Выходит, в данном случае вы смогли взять себя в руки и быстро придумать решение, а когда только-только потеряли контроль над своим устройством преобразования магии — не смогли?

— В этом нет ничего удивительного. Когда тебя атакует кучка отморожков — в этом нет ничего шокирующего, но когда проблемы с собственной магией!.. Это совершенно другие ощущения,

будто твои ноги резко отказали, и ты ничего не можешь с этим сделать. Проваливаешься в пропасть... Кроме того, всё описанное произошло чуть ли не в одночасье, так что ваш вопрос не более чем придирка.

— Смотрю, вы испытываете негодование.

— Возможно.

— То есть вы утверждаете, что приложили все усилия, чтобы никто не пострадал, и что вам должны сказать спасибо?

— Спасибо мне говорить не нужно. Но да, я сделал всё возможное, правда, не знаю, смог ли избежать жертв или... смертей.

— Забегая вперёд, скажу, что никто не умер.

— Вот и хорошо...

Продолжая делать заметки, волк-одиночка ненадолго замолчал.

— Как ни посмотри, — начал он невзначай, — столица не для вас. Здесь вечно что-то происходит, но даже по этим меркам вы уж больно невезучий.

— Либо, наоборот, чрезмерно удачлив, раз ещё не умер и дожил до сегодняшнего дня.

— Если смотреть с такой точки зрения... утверждение тоже верное. Скажите, это правда, что после разрушения школы во время Октябрьской Катастрофы вы были спасены кланом Кудо?

— Что-то вроде.

— Зачем им это делать? Кроме того, вспоминая дело о покушении на их юную госпожу и том, что вы защитили подозреваемую... Получается, что после клана Бортэ и нескольких политиков, вы третий, кто смог предотвратить их самосуд над кем-то.

— Это же хорошо?

— Да, но здесь есть и загвоздка. Говоря прямо, мне до сих пор трудно поверить, что Кудо Митсуко самолично не разобралась с подозреваемой школьницей «здесь и сейчас». Особенно беря во внимание тот факт, что пострадала её дочь.

— Они же не звери какие-то...

— Когда их семью затрагивают определённые вопросы — ни школа, ни школьник, ни я, ни кто-то ещё не сможет их остановить. Вы понимаете, о чём я говорю?

— Эм, вы обвиняете меня в принадлежности к их семье? Мой ответ отрицательный.

— Тогда что? Неужто волшебство?

— Если (неадекватная) любовь — это волшебство, то можно сказать и так. Насколько я понимаю, в то время их отпрыск — Кудо Сакура — была в меня влюблена. Не знаю почему, но меня хотели с ней свести, особенно та старая бабка... Припоминанию: потому-то собственно я и был с ней в тот день. Когда между нами возник конфликт, и я не дал им причинить вред школьнице Хаён, они пытались договориться и даже забрать меня в свою семью, вместо того, чтобы атаковать. А потом к нам подоспели другие люди. Вовремя подоспели.

— А подоспевшим был... Так... Станислав Гауф, верно?

— Да, напарник Мишель Лири...

— Мишель Лири... — волк-одиночка с интересом задумался. Помолчал. Пробежался по своим документам и записям. — Знаете что? — наконец-то сказал он.

— Что? — переспросил я.

— С одной стороны всё так очевидно. А с другой — запутанно.

— Что вы имеете в виду?

На лице следователя появилась странная «механическая» улыбка. Он сказал:

— Да так. Остаётся только один вывод — за вами стоит Реган О'Лири. Больше просто не кому. Но зачем ему посылать своих людей по «зачистке» следить за вами? Очень необдуманный шаг, учитывая, что вы всё ещё живы.

— Э, что?

— «Зачистка» — неофициальный арест, пытки, быстрая утилизация и многое другое. Это многогранное понятие, но ничем хорошим это обычно не заканчивается. Для такой работы у Регана О'Лири есть свои люди, собственно как и у любого клана или маломальской шишки.

— Что?..

— Не думаю, что мне нужно повторять.

— ...Общий смысл я уловил, но... Зачем ему это делать... Зачем вам говорить об этом мне... Это что-то наподобие психологического приёма надавить на подозреваемого?

— Нет, в данном случае, это не приём. Просто рассказываю вам интересную информацию. Разве это не интересно?

— Скорее, сомнительно...

— Понимаю. Скажите честно, вы как-то связаны с Реганом О'Лири?

— Я видел его только раз, когда Мишель Лири заехала к нему домой. Я об этом упоминал в рассказе.

— Больше никак не связаны?

— Нет. Я знаю только Мишель Лири.

— Тогда, с кем вы связаны?

— Что простите?

— Я спрашиваю, с кем вы связаны?

— Я? Сам с собой связан, но... такой ответ вас не устроит?

— Может и устроит, но вы уверены?

— Я, не то, что не уверен, я, если честно, даже не пойму о чём вы говорите и в чём меня обвиняете.

— Пока ни в чём, но мне кажется, вы не понимаете всю сложность сложившейся ситуации.

— Сложность?

— Я вам нарисую, смотрите. Есть несколько последовательных событий. Связанных не связанных — не известно, но все они странные и нерешённые, — волк-одиночка нарисовал линию и начал последовательно ставить кружочки с датами и краткими подписями, при этом он внимательно смотрел на меня. — Первое, инцидент с Тсубой Эрикой. Вы не должны знать,

но в тот день Антимагический Департамент лишился целого отряда и до сих пор не знает его участи, меньшие потери понесла контрразведка. Был один подозреваемый, но его уже оправдали. И что мы имеем? Никаких ответов! Дальше, — волк-одиночка двинул рукой, — инцидент с кланом Кудо, который в дальнейшем перерос в крупномасштабные боевые действия. Единственная зацепка, которая может дать новые направления в этом определённо неоднозначном деле, — школьница по имени Хаён. Но она сейчас на свободе, и по некоторым данным, занимается противозаконными делами. Её упустили. Дальше, — он ещё раз двинул рукой. — Дело со складом и пропавшими трупами — даже говорить не буду: непонятные и идеальные обстоятельства, пропавшие и ожившие трупы, Мишель Лири — сама комбинация всего этого уже вызывает сомнения в случайности произошедшего. И знаете, что остаётся? — передвинув руку в третий раз и уперев кончик ручки в листок, волк-одиночка посмотрел на меня.

— Октябрьская Катастрофа?

— Верно. Всё то же самое! Неизвестные обстоятельства, пропажа важной составляющей — Ганца Йохансона, ещё и куча жертв и смертей. И никаких ответов. Но самое интересное, во всём этом прослеживается схожий почерк.

— За всем этим кто-то стоит?

— Может да, а может нет. Но это не всё. Люди этого не замечают (и хорошо, что не замечают: лицезреть такие вещи — потерять всё своё доверие), но сотрудничество между самыми разными государственными службами накалено до предела: все косо поглядывают друг на друга.

— Но... Зачем вы рассказываете это мне?

— Я рассказал не всё. Были и другие моменты, но знаете, что объединяет конкретно эти?

— Что?..

Нарисовав от каждого кружочка стрелочку в центр, волк-одиночка повернул листик в мою сторону:

— Вы. И после сегодняшнего, после того, как вы напомнили о себе и привлекли столько внимания — все они, — волк-одиночка обвёл выписанные кланы и государственные подразделения, — начнут пересматривать всё заново. А на «невезучего» вас уже будут смотреть не просто как на случайного пострадавшего...

— Если вы хотели меня напугать, то вы меня напугали.

— Я не пугаю. И это ещё не всё.

Волк-одиночка дорисовал ещё пару стрелочек. И показал мне. Я изучил и прокомментировал:

— Я связан с Мишель Лири? А она с Реганом О'Лири? А он с этой, цифрой «6», а она со мной? Что это значит?

— Что значит? Я хочу услышать от тебя, что это значит.

— Эм, учитывая, о чём вы говорили ранее... Это значит, что за всем стоит Реган О'Лири? А эта цифра «6»... Это та «зачистка»?.. НО, ПРИЧЁМ ЗДЕСЬ Я?!

— Причём вы? Этого не знаю даже я, но в ближайшее время вам будет нехорошо, сильно нехорошо...

...

Волк-одиночка собрал бумаги и встал, развернулся, немного прошёл, остановился.

— Даже адвокат вам не поможет...

Прошёл к выходу. Остановился.

— ...Ведь до суда может даже не дойти... — он взялся за ручку двери. — Но знаете... — повернул её, — у меня есть выход.

— Спасибо. И он прямо перед вами, а я... Я просто найду себе адвоката.

— Как знаете...

Он вышел — дверь закрылась.